

Thomas Daiber

 <https://orcid.org/0000-0003-4185-294X>

Justus-Liebig-Universität

Institut für Slavistik

Otto-Behaghel-Straße 10 D

D - 35394 Gießen

thomas.daiber@slavistik.uni-giessen.de

Глагольные причастия в *Учительном Евангелии* Мелетия Смотрицкого

Participles in the *Didactic Gospel* of Meletij Smotryc'kyj

Резюме

В рамках миссионерской активности Мелетий Смотрицкий захотел в своем *Учительном Евангелии* (УЕ) предложить библейские тексты с толкованием в народном, не-церковнославянском языке, чтобы читатели легче смогли познакомиться со взглядами православных авторов. На материале первых десятых библейских в порядке УЕ статья идентифицирует в исходном греческом тексте все конструкции с глагольными причастиями и сравнивает их переводческие эквиваленты в разных переводах Библии: УЕ, Острожская Библия, украинский перевод Кулиша и русский Синодальный перевод.

В статье поставлен вопрос, можно ли оценить близость языка переводов к более разговорным выражениям при помощи числового сравнения всех случаев где данные переводы показывают полное морфологическое соответствие с Греческим оригиналом? Если соблюдается не только морфологическое соответствие перевода с греческой конструкцией, но и глагольное время употребляемого причастия как второй параметр сравнения, тогда переводы покажут значимые различия. Конечно, глагольное время обязательно сменяется, если в языке переводе уже не найдется эквивалент аориста, но все-таки спрашивается, если Греческий аорист переводится причастием прошедшего времени (прежде всего совершенного вида) или причастием настоящего времени (несовершенного вида).

Статья не занимается лингвистической проблематикой видовой системы в различных языках, но спрашивает какие выводы можно сделать на материале числовых сравнений в области морфологической эквивалентности. Языковой материал показывает, что численные

данные анализа морфологических эквивалентов в различных славянских переводах позволяют обсудить общую дословность данного перевода, но не позволяют обсудить стилистические особенности.

Ключевые слова: Мелетий Смотрицкий, Учительное Евангелие, Острожская Библия, Кулиш, Синодальный перевод, переводческая техника.

Summary

In the course of his missionary activities, in his *Didactic Gospel* (Evanhelije Učytel'noe = UE), Meletij Smotryc'kyj aimed to present Biblical texts and their commentaries in a more vernacular, not so much Church Slavonic language in order that readers could more easily become familiar with the views of Orthodox authors. Based on the material of the first ten Biblical readings in the order of UE, the article identifies all participle constructions in the Greek source text and compares them with their translation equivalents in different Bible translations: UE, Ostrog Bible, Ukrainian Bible translation of Kulyš, and Russian Synodal translation.

The article poses the question of whether it is possible to make conclusions about the closeness of each translation towards a more vernacular way of speaking by showing a numerical comparison of all instances, when the translations are in full morphological equivalence with the Greek source. Considering not only morphological equivalence with the Greek construction but adding grammatical tense of the participle as a second parameter for comparison, then the translations will differ more significantly. Change of tense, of course, is inevitable if the target language does not exhibit an equivalent for aorist, but still, it is a question if the translation of an aorist participle results in a preterit participle (mostly aspectually perfective) or in a present participle (aspectually imperfective).

The article is not concerned with linguistic problems of verbal aspect in different Slavic languages but seeks to find out which conclusions about the translation technique could be drawn from comparing numerical correspondences in the realm of morphological equivalence. The material shows that the numerical comparison of instances of morphological adequacy in different Slavic translations permits conclusions about the literal character of the translation but does not allow the stylistic characteristics to be judged.

Keywords: Meletij Smotryc'kyj, Didactic Gospel, Ostrog Bible, Kuliš, Synodal translation, translation technique.

Язык библейских книг воспринимается в Европе вплоть до конца XVII в. как образец литературного языка, т.е. как язык в виде письменной концептуальности¹. Впрочем, в библейских текстах найдется немало количество элементов, которые сегодня классифицировались бы как элементы устной концептуальности, например, *отъ* jako *recitativum* или синтаксические конструкции *ad sensum* (Мк 2:10; Daiber, 2013). Перевод *Библии* на древнецерковнославянский язык смог в принципе сохранить такие, на современный

¹ Судя по предисловиям грамматик или по размещению Библейских, прежде всего псалтырных текстов как стилистический образец в грамматиках (Daiber, 2014, 1797).

взгляд, нестандартные элементы. Граница между письменными и устными элементами в средне-византийское время проходила между другими феноменами, чем в нынешней ситуации общераспространенной письменности (см. подробнее: Karvounis, 2016, 86 сл.).

Начиная с XVI в., когда *Библия* переводилась на народные языки, возникла у славянских переводчиков задача или подражать стилю исходящего текста в рамках данных грамматических возможностей, или найти народноязыковые эквиваленты. Однако весь спектр возможных переводческих решений нельзя резюмировать такой бинарной оппозицией, поскольку не раз переводчики независимо от различных переводческих возможностей хотели создать самостоятельный библейский стиль. Это значит, что переводчики не только пытались найти семантические и прагматические эквиваленты для отдельных выражений в исходящем тексте, но также старались с помощью повторений оборотов речи или синтаксических конструкций создать характерную для их перевода особую библейскую эмблематику языка (Daiber, 2019). Такие процессы также происходят в границах перевода библейского текста в *Учительных Евангелиях*. Поскольку *Учительные Евангелии* предназначались для широкого круга читателей, то можно ожидать, что их язык приближается более или менее к народному языку, но с другой стороны видно, что библейский текст *Учительных Евангелий* может сохранять языковые особенности исходящего текста или создавать свою собственную стилистическую эмблематику.

На пути семантического анализа переводческих и стилистических решений можно оценить принципиальные тенденции перевода, но такой подход непременно включает какой-то субъективный момент понимания. Наша статья² ограничивается анализом причастных конструкций с целью, иллюстрации стилистической тенденции перевода посредством числовых отношений. В качестве предмета исследования выбираем морфологический класс *причастие* и сравниваем частоту его употребления в исходящем тексте (греч. *Новый Завет* в издании: Nestle, Aland, 2012) с частотой его грамматических эквивалентов в разных переводах: в *Острожской Библии* (изд. Туркомяк, 2006, далее ОБ), в *Учительном Евангелии Смотрицкого* (изд. Frick, 1987, далее УЕ), в украинском переводе Кулиша (далее К) и в русском Синодальном переводе (далее С)³.

² Статья была представлена на конференции три года назад (Коницкая, 2019); данная статья переработана и расширена.

³ К (1912) и С (1876) цитируются сравнения ради; использовались их общедоступные в интернете тексты, например, на сайте <http://bibles.org.uk>, которые тоже включаются в специальные для чтения Библии программы, например, *Eloquent*. Возможно, что в числовых текстах имеется незначительное количество отклонений от разных печатных изданий соответствующего перевода, которые с течением времени перерабатывались. Для анализа греч. текста использовался сайт <http://biblehub.com>.

С исключением одного греческого родительного абсолютного (Лк 15:14), который парафразируется в переводах, греч. образец первых десяти апракосных чтений в УЕ (1 = зачало 89 = Лк 18:10–14; 2 = зач. 79 = Лк 15:11–32; 3 = зач. 106 = Мф 25:31–46; 4 = зач. 17 = Мф 6:14–21; 5 = зач. 7 = Мк 2:1–12; 6 = зач. 37 = Мк 8:34–9, 1 (8:39); 7 = зач. 40 = Мк 9:17–31; 8 = зач. 47 = Мк 10:32–45; 9 = зач. 39 = Иоан 11:1–46; 10 = зач. 41 = Иоан 12:12–18) покажет 118 вхождений глагольного причастия в трех залогах, 51 – в аористном, 50 – в настоящем и 17 – в перфектном временах.

Семь раз греческому причастию не соответствует причастный оборот в ОБ.

В одном случае перевод (Мк 9:24: *κράζας* = причастие аористного времени является нетипичным отклонением в Острожской Библии) от греч. оригинала, поскольку против ее общей тенденции в ОБ представлена финитная форма *възъли* (аорист), как и в Синодальном переводе: *воскликнул*, а в остальных переводах присутствуют причастия в соответствии с греческой морфологией (УЕ: *крикнувши*, К: *заголосивши*, V⁴: *exclamans*). Два раза влияние Вульгаты не исключено. Первый пример, где славянские переводы согласуют с латинским переводом – Мк 2:1 (*εἰσελθὼν* > V: *intravit*, ОБ: *вниде*, УЕ: *пришоль*, К: *увійшов*, С: *пришел*). Второй пример – Лк 15:32 в сравнении с Лк 15:24. Греческий *ἀπολωλὼς ἦν*⁵ (Лк 15:32) переводится равным образом в латинском переводе (V: *mortuus erat*) и в славянских переводах (ОБ: *мертьь бѣ*, УЕ: *оумерь былъ*, К: *мертвий був*, С: *был мертв*). Конструкция греческого причастия перфектного времени + имперфект вспомогательного глагола (*ἦν*) выявляется тоже в Лк 15:24 (*ἀπολωλὼς ἦν*)⁶, но теперь не только латинский (V: *perierat*), запятая но и славянские переводы (ОБ: *изгиблъ бѣ*, УЕ: *згинѣлъ былъ*, К: *згинув був*, С: *пропадал*) выбирают глаголы прошедшего времени. Видно, что латинский и славянские переводы под морфологическим взглядом в обеих случаях (Лк 15:24 и 32) переводят аналогично. Совпадение переводческих решений в латинском и славянских текстах невозможно, по-моему, объяснить семантическими или контекстуальными мотивами.

В остальных четырех случаях, в ОБ отличия от греч. текста в употреблении причастий можно объяснить. В двух местах (Лк 15:12 *ἐπιβάλλον μέρος* > V: *portionem*, ОБ: *достойнѣю часть*, УЕ: *часть*, К: *частьну*, С: *следующую мне часть*; Лк 15:27 *ὑγιαίνοντα* > V: *salvum*, ОБ: *здрава*, УЕ: *здорового*, К: *здорового*, С: *здоровым*) переводы ищут эквивалентные лексические средства. Пример (Мк 10:32 *μέλλοντα συμβαίνειν* > V: *quæ essent eventura*,

⁴ V = Вульгата (Clementina); ссылается на издание: Weber, Gryson, 1994.

⁵ С разночтениями (преимущественно в александрийской редакции): *ἦν ἀπολωλὼς*.

⁶ Вспомогательный глагол найдется только в византийской редакции.

ОБ: *яже хотахѹ быти*, УЕ: *што са дѣати мѣло*, К: *що станеть ся*, С: *что будет с ним*) выглядел бы слишком искусственным в буквальном переводе. И еще в одном случае (Jh 12:17 ὧν, V: *quae erat*, ОБ: *иже бѣ*, УЕ: *которыи бѣль*, К: *що був*) покажет стремление переводов, что причастие и главный глагол предложения (ἐμαρτύρει, имперфект) выразили одновременность (с исключением С: *бывший* = пришедшее). Понимание целого предложения Лк 12:17 сильно зависит от контекста и различных переводов в *Острожской Библии*, *Учительное Евангелие*, *Перевод Библии* Пантелеймоном Кулешом, *Синодальный перевод Священного Писания* можно понимать как экзегетические различия⁷.

Можно сделать вывод, что частота соответствий между греч. образцом и различными славянскими переводами в случае употребления причастных форм свидетельствует о «церковнославянстве» перевода. Под этим взглядом ОБ, как ожидалось, занимает первое место.

Последний пример (Лк 12:17, см. С) показывает, что переводчик может пользоваться причастными оборотами не только в согласованности с традициями, но и в соответствии с его пониманием текста.

Несколько причин могут оказывать влияние на решение переводчика:

1. *Библия* – предмет экзегетики. Переводчик старается не только выразить смысл определенного предложения, но и показать также внутренние связи его аргументов по их логической, временной и реальной упорядоченности. Из-за этого перевод может отклоняться от языковых знаков исходного текста.

2. Перевод *Библии* – перевод с максимальным значением для данного памятника культуры с точки зрения временного и пространственного расширения. Язык Библейского перевода старается отражать достоинства традиции, т.е. склоняет к сохранению уже устаревших в языке переводчика языковых средств.

3. Много оборотов Библейского языка вошло в разговорную речь или повторяется в разных средствах (литургия, искусство и т. д.). В таких случаях перевод склонен сохранять формулировку данной переводческой традиции. В материал исследования вошел Мф 25:34, отрывок которого (иногда вместе с Мф 25:41) часто пишется на иконах *Спаса Вседержителя на престоле*. Все переводы сохраняют глагольные причастия оборота (εὐλογημένοι> ОБ: *благословенїи*, УЕ: *благословенїи*, К: *благословеннїи*, С: *благословенные*; ἡτοιασμένῃν> ОБ: *оуготованное*, УЕ: *зготованное*, К: *приготовлене*, С: *уготованное*). Но в случае Лк 18:14, тоже часто цитировано, переводы различаются (ταπεινῶν ἑαυτὸν> V: *se humiliat*, ОБ: *смирѣаи*, УЕ: *которыи себе по-*

⁷ Свидетельствовал (ἐμαρτύρει) народ, что Иисус вызвал Лазаря из гроба, когда народ был (ὧν) с ним (одновременность глаголов быть и свидетельствовать), или свидетельствовал тот народ, который уже был (прошедшее время) с Иисусом, когда он вызвал Лазаря из гроба?

нижаеть, К: *кто ж принижуеть ся*, С: *унижающий себя*), что, может быть, показывает на различные (латинская или греческая) переводческие традиции. Обсудить переводческие решения в случае укоренившихся в данной культуре фразеологических оборотов путем сравнения частоты морфологических средств невозможно.

С помощью числового сравнения можно определить, какой принцип (1, 2, или 3) является наиболее доминирующим в языке данного перевода.

Мы уже увидели на примере употребления причастий, что в переводе *Острожской Библии* максимально повторены языковые средства исходного текста. Только в 7 случаях ОБ не соответствует греч. образцу. По тем же критериями получается, что греч. причастному обороту не отвечают языковые средства в УЕ – 29, С – 38, К – 44 и V – 50 раз. Разницы между славянскими переводами не так огромны, что можно по этим числам назвать какой-то перевод особенно «народноязыковым» или «церковнославянским». Но если мы спрашиваем, какой перевод сохраняет не только причастный оборот греч. источника, но также и его глагольное время в смысле временных ступеней, тогда картина меняется. Проблемы могут проявляться, прежде всего, в связи с греч. аористом и перфектом.

а. В греч. языке настоящее время и аорист различаются видовым значением «фактичности» и могут появляться вместе в одном предложении, напр. Мк 2:9 (и Мк 2:11): *Ἐγείρου* (повелительный настоящего) *καὶ ἄρῳ* (повелительный аориста) *τὸν κράββατὸν σου καὶ περιπάτει* (повелительный настоящего) = «встань, возьми свою постель и ходи». Повеления *встать* и *ходить* означают неопределенные действия; больному первый раз в его жизни дается возможность «встать» и «ходить» вообще. Но повеление *взять* означает конкретное действие, которое совершается фактически в определенном времени.

б. Греч. перфект выражает результат прошедшего действия, но славянское причастие прошедшего времени означает предыдущее действие в сравнении со временем главного глагола предложения. Иногда контекст не позволяет думать, что действие, выраженное причастием греч. перфектного или слав. прошедшего времени, на самом деле совершилось раньше, чем действие главного глагола. И снова мы исходим из того, что перевод ОБ максимально приближен к греч. тексту. На самом деле перевод в ОБ отклоняется только 3 раза от греческих глагольных времен (Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42), где везде перфектные причастия слова *стать* (*ἑστὸς*, *ἑστηκότων*, *περιστώτα*) передаются причастиями настоящего времени (*стоя*, *столицхъ*, *столицазо*). Переводчик ОБ (и не только он) три раза почувствовал, что настоящий результат действия (кто-то стоит) надо подчеркнуть, а не предыдущее действие (кто-то пришел и останавливался).

УЕ отклоняется от греческого глагольного времени в 6 местах: Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42 (*столци, столчихъ, столчого*), Иоан 11:28, 11:31 (*мовачи*), Иоан 11:38 (*затрвожен*). Первые 3 примера – настоящее время вместо греч. перфекта (те же самые примеры, как вышеуказанные в ОБ), следующие 2 места – настоящее время вместо аориста, последний пример – прошедшее страдательного залога вместо настоящего страдательного залога. В общем, формы глаголов в *Учительном Евангелии* отличаются от греч. глагольных времен там, где под совершенностью глагольного действия в славянской системе требуется аспектуальный глагол настоящего времени для выражения несовершенного действия, который позволяет выразить результат страдательным причастием прошедшего времени.

Тем не менее, сохраняя причастный оборот в соответствии с греч. источником примерно с такой частотой как в ОБ и УЕ, в *Синодальном переводе* сменит 16 раз ступень времени в сравнении с греческим текстом: 3 уже знакомых места (как ОБ и УЕ: Лк 18:13, Мк 9:1, Иоан 11:42: стоя, стоящих, стоящего), еще 11 раз перейдет греческий аорист в русское настоящее время и, наоборот 2 раза греческое причастие настоящего времени заменяется русским причастием прошедшего времени (между ними Иоан 12:17, см. выше).

В украинском переводе Кулиша время причастий изменяется в 6 примерах, 4 – как в УЕ (Мк 9:1 *стоячими*), Иоан 11:28, 11:31 (*кажучи*), Иоан 11:38 (*зітхнувши*), 2 оставшихся – без видимой причины с лингвистической точки зрения (Мк 9:20с (*запінувшись*), Иоан 11:32 (*побачила*)). V – время причастий изменяется в 21 случае, (Мт 25:40, Мк 2:4, Мк 9:1 (2 раза), Мк 9:19, Мк 9:24, Мк 9:26 (2 раза), Мк 9:27, Мк 10:32, Мк 10:41, Мк 10:42, Лк 15:20 (2 раза), Лк 15:29, Лк 18:11, Лк 18:13, Ях 11:4, Ях 11:28, Ях 11:31, Ях 11:32). Во всех случаях различие времен причастных конструкций между греческим образцом и латинским переводом относится к таким выражениям, где в греческом тексте присутствуют причастия либо перфектного времени, или аористного. Поскольку в латинском языке как и в славянских языках не существует причастие аористного времени, в латинском переводе присутствуют, в принципе, те же грамматические несимметричности, как и в славянских переводах: греческий аорист можно понимать как настоящее время как в латинском переводе во всех случаях или как прошедшее время в видении аспектуальной совершенности характера действия. Прежде всего русский текст колеблется при переводе того же самого слова: Лк 15:29 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщавъ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *сказал в ответ* (С), в противополжении к Мт 25:40 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщавъ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *скажет ... в ответ* (С) и к Мк 9:19 *ἀποκριθεὶς* > *respondens* (V), *отвѣщавъ* (ОБ), *отповѣдѣвши* (УЕ), *озвавшись* (К), *отвечая* (С). Спрашивается, колебание в русском переводе действительно связано с различной аспектуальной системой в русском языке или просто с техникой переводчика, который переводит греческий текст более *ad sensum*, чем *ad verbum*?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы спрашивали, можно ли обсудить главные переводческие решения методом числового сравнения?

Исходя из двух параметров (соответствие греческой части речи + соответствие с глагольным временем) предлагаются следующие ответы:

а. ОБ является дословным переводом и, подражая греческим лингвистическим средствам, следует вышеупомянутому второму принципу. Дословный перевод был возможным, поскольку в церковнославянском языке существуют аорист и перфект, а временное состояние причастных оборотов не подчиняется глагольному виду так строго, как в народных славянских языках. Перевод ОБ следует принципам буквального перевода, как фундамент восточнославянских переводов.

б. Русский перевод С показывает стремление сохранить языковые свойства Библейского текста как можно точнее, но делает адаптацию в связи с контекстуальной семантикой. Переводческие решения более соответствуют первому принципу.

в. Числовые данные в переводах УЕ и К наводят на мысль, что переводческие решения в обоих переводах следуют второму принципу как в ОБ. Без анализа грамматических свойств причастия⁸ в отдельных славянских языках в соответствии с аспектуальной системой трудно решить, соответствует, например, множество причастных конструкций в переводе *Библии* Кулишом действительно их частоте в народном (устном или письменном) языке и Кулиш делает перевод согласно третьему принципу (стилизация, архаизация)?

Тот же самый вопрос надо поставить и в случае перевода УЕ. Оценка нормы письменного языка в случае *Учительного Евангелия* и перевода Кулиша сложнее, чем в случае русского перевода. Что касается УЕ, то перевод можно осторожно обсудить с точки зрения принимаемого метода. Перевод остается связан с греческим образцом.

Думая об изложении глагольных времен в грамматике Смотрицкого 1619 г. (Daiber, 1992, 85–97) можно увидеть ту же тенденцию подражания греческому образцу и в его *Учительном Евангелии*. Но в принципе можно сделать вывод, что численные эквиваленты на морфологическом уровне между исходным текстом и его переводом позволяют выявить общие высказывания с тенденцией к дословной близости, а не высказывания о стилистической тенденции перевода.

---

⁸ Украинское причастие настоящего времени не выступает как самостоятельный глагольный центр подчиненных предложений, и из-за этого форма не появляется у возвратных глаголов (Strumyns'kyj, 1980). Тем больше удивительно, что в К показано такое количество причастий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Коницкая, Е. (2019). *Международная научная конференция: Грамматика Мелетия Смотрицкого в лингвистическом контексте Европы XVI–XVIII вв. Вильнюс 29 сентября – 2 октября 2019 г.*, Slavistica Vilnensis, 64 (2), 155–162.
- Турконяк, Р. (2006). *Острозька Біблія*. Львів: Книга.
- Aland, B., Aland, K. et al. (2012). *Testamentum Graece*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Daiber, Th. (1992). *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert, Freiburg i. Br.* Freiburg i Br.: U.W. Weiher.
- Daiber, Th. (2013). *Wisset! Zu einem angeblichen Anakoluth in Mk 2,10 bzw. zum ὄτι recitativum*, Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche, 104 (2), 277–285.
- Daiber, Th. (2014). *Slavische Grammatikschreibung*. In: *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Band 2 (1793–1811), Gutschmidt, K., Kempgen, S., Berger, Tilman, K. (ed.). Berlin: De Gruyter.
- Daiber, Th. (2019). *Schriftlichkeitsdiglossie, Bibelsprache und Emblematisierung*, Linguistische Beiträge zur Slavistik, XXV. JungslavistInnen-Treffen Göttingen, Böhnisch, G., Junghanns, U., Pitsch, H. (ed.). Berlin, Bern, Bruxelles: Lang, 71–91.
- Frick, D.A. (1987). *The Jevanhelije učytelnoje of Meletij Smotryc'kyj*. Harvard: Harvard University Press.
- Karvounis, Ch. (2016). *Diglossie, Sprachideologie, Wertekonflikte: Zur Geschichte der neugriechischen Standardsprache (1780 bis 1930)*. Köln: Böhlau.
- Strumyns'kyj, B. (1980). *The Influence of Populists on Ukrainian Grammar: The Plight of Active-Present Adjectival Participles in Ukrainian*, Journal of Ukrainian Studies, 5 (1), 3–14.
- Weber, R., Gryson, R. (1994). *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.

***

- Aland, B., Aland, K. et al. (2012). *Testamentum Graece*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Daiber, Th. (1992). *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert, Freiburg i. Br.* Freiburg i Br.: U.W. Weiher.
- Daiber, Th. (2013). *Wisset! Zu einem angeblichen Anakoluth in Mk 2,10 bzw. zum ὄτι recitativum*, Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche, 104 (2), 277–285, <https://doi.org/10.1515/znw-2013-0015>.
- Daiber, Th. (2014). *Slavische Grammatikschreibung*. In: *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Band 2 (1793–1811), Gutschmidt, K., Kempgen, S., Berger, Tilman, K. (ed.). Berlin: De Gruyter.
- Daiber, Th. (2019). *Schriftlichkeitsdiglossie, Bibelsprache und Emblematisierung*, Linguistische Beiträge zur Slavistik, XXV. JungslavistInnen-Treffen Göttingen, Böhnisch, G., Junghanns, U., Pitsch, H. (ed.). Berlin, Bern, Bruxelles: Lang, 71–91.
- Frick, D.A. (1987). *The Jevanhelije učytelnoje of Meletij Smotryc'kyj*. Harvard: Harvard University Press.
- Karvounis, Ch. (2016). *Diglossie, Sprachideologie, Wertekonflikte: Zur Geschichte der neugriechischen Standardsprache (1780 bis 1930)*. Köln: Böhlau, <https://doi.org/10.7788/9783412504984>.

- Konitskaya, E. (2019). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: Grammatika Meletiya Smotriskogo v lingvisticheskom kontekste Evropy XVI–XVIII vv. Vil'nyus 29 sentyabrya – 2 oktyabrya 2019. g.*, Slavistica Vilnensis, 64 (2), 155–162.
- Strumyns'kyj, B. (1980). *The Influence of Populists on Ukrainian Grammar: The Plight of Active-Present Adjectival Participles in Ukrainian*, Journal of Ukrainian Studies, 5 (1), 3–14.
- Turkonyak, R. (2006). *Ostroz'ka Bibliya*. L'viv: Kniga.
- Weber, R., Gryson, R. (1994). *Biblia sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.